

УРОК НИКОЛАЯ ТИХОНОВИЧА

*Отрывок из книги Ю.Н. Честных «Путь к сердцу ученика»,
- М.: Просвещение, 1989.*

...Класс утонул в двойках и тройках, учителя жаловались на непокорность, зазнайство, обвиняли меня в том, что я сам мешаю своим воспитанникам учиться, перегрузил их ненужной работой... Ярлык худшего класса в школе уже готов был пригвоздиться к моему VI «Б», и я растерялся. Навязчиво преследовала мысль, что эксперимент жить и грудиться погайдаровски не удался, что я переоценил возможности детей, что 12-13 лет не тот возраст, когда в обучении и воспитании можно обходиться без принуждения. Особенно волновал упрек учительницы, с мнением которой я привык считаться. После посещения и понравившегося мне организованностью, деловитостью, доброжелательностью учителя урока математики, на котором, однако, знания оценивались по известному школьному сценарию «три ставлю – два в уме», я получил такую характеристику: «Вы, Юрий Николаевич, – романтик и видите не то, что на самом деле, а что сами нафантазируете. Да не такие они, ученики VI «Б», как вы не раз пытались представить. Как раз серенькие, в основном неумные, куда им, например, до VI «А». Вы смотрите на своих воспитанников влюбленными глазами через розовые очки, а они на каждом шагу обманывают вас, пользуясь вашей любовью и доверием. Ваша мечта о стопроцентном доверии несбыточна, в школе всё всегда держалось и будет держаться на незыблемом «доверяй, но проверяй»...

Интуитивно чувствовал: раз перестал доверять своим глазам – покажи свой класс такому человеку, который обладает редчайшим и, может, наиглавнейшим человеческим даром – острым педагогическим зрением. Незадолго до своего назначения в VI «Б» я заочно с таким человеком познакомился: читал его пространный отзыв на мою документально-педагогическую повесть «Летопись X «А», которая весь 1979/80 учебный год печаталась в областной газете «Брянский рабочий», слышал много удиви-

тельного о нем от работников редакции.

Николай Тихонович Курындин, брянский учитель физики, думаю, хорошо знаком многим в Советском Союзе, так как создал в Брянске единственный в то время в РСФСР Дом Занимательной Науки (ДЗН). Когда я узнал, какие мощные формалистическо-бюрократические преграды стояли на пути этого энтузиаста, понял: только неисчерпаемая любовь к детям могла дать ему заряд той энергии, которая помогла довести до конца замысел и преподнести подрастающему поколению великолепнейший подарок – Дворец технических знаний. Но не только эти прекрасные качества личности директора ДЗН потянули меня к нему в тревожные минуты смятения духа. Сердце подсказало, что Николай Тихонович – мудрый педагог, психолог-самородок, докопавшийся до глубинных тайн психодиагностики.

Предварительно встретился с этим неподвластным старению человеком и, ничего, конечно, не сообщив о своей растерянности, договорился, что с моим классом, в котором мечтаю добиться того же, к чему стремился в Х «А», Николай Тихонович сам проведет экскурсию.

Как будто с живым Гайдаром встретились мои ребяташки – так мгновенно стал Николай Тихонович своим в нашем коллективе! Я ещё только собирался представить его, а он уже одному давал задание, другому что-то разъяснял, с третьим звонко, по-детски смеялся, спорил... Всех растормошил, раздражил, раззадорил, каждому дал в руки именно то, что, как я читал по лицам детей, ему как раз и хотелось рассмотреть поближе, понять, изучить... Да, поистине магнетической силой обладает человек, с первой встречи протягивающий для знакомства не руку с чопорным поклоном, а переполненное безграничной бескорыстно-доверительной любовью пылкое сердце.

Сразу бросилось в глаза, что мои тугодумы, стыдившиеся своей медлительности и постоянно из-за этого робевшие, смело брались за любое задание, бросались на головоломки и иной раз решали их быстрее самых смекалистых. Что случилось с ними? Я стал наблюдать внимательнее, анализировать и

вскоре догадался. Простые, казалось бы, но интригующие задания с шариками, юлой, колесом, шпагой освобождали от привычки лезть за ответом в кладовую памяти, копаться в ней, и ребята легко и естественно начинали опираться на радостную, окрыляющую силу ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО УМА, который, как показала метаморфоза с отстающими в школьных условиях, у старательно-прилежных учеников значительно больше угнетен и подавлен. Здесь же напрашивался ответ на волнующий меня вопрос: почему зримые воспитательные успехи не повлияли на повышение успеваемости в классе?

То, о чём я смутно догадывался, Николай Тихонович убедительно доказал за двадцать минут непринужденного общения с ребятами: спасать надо не тех, кого пилили, тиранили, оскорбляли, но в ком не убили «искру божью», выручать, ограждать от дальнейшего умственного застоя, заштампованности надо немедленно тех, кого, как выяснилось, неверно ориентировали, незаслуженно хвалили, толкали к интеллектуальной гибели, «производили» в отличников-хорошистов, лишенных наиглавнейшего – творческого горения...

И вот что получается: самое уязвимое, за что больше всего упрекают и бьют, что не принимают коллеги, не понимают пока и родители, – свидетельство не поражения, а ПОБЕДЫ. Не принятый нами курс «Все творчески, иначе зачем?» надо менять, на нетворческие, не развивающие исследовательский ум учащихся уроки. Как чувствительнейшие барометры, дети уловили: пагубна учеба во имя учебы, во имя оценки, нет ничего страшнее массового парадокса сегодняшних школ: отличник учёбы и... серенькая личность.

Тем временем «волшебник» с толпой увлечённых «физиков» перешёл в следующий зал, непринужденно, как с равными, беседуя о кибернетике, космонавтике, фантастике... Цепочкой талантливо составленных, постепенно усложняющихся вопросов (таких, например, как: «Что бы и в какой последовательности ты предпринял, если бы оказался робинзоном на другой, пригодной для жизни планете?») он неуклонно вёл моих питомцев по пути самостоятельных

поисков и открытий. Даже неорганизованный исследовательский ум, освобождённый от страха зубрёжки, – радостная сила, но поистине могучим, спасающим даже в безвыходных положениях он становится у того, кто непрерывно ОРГАНИЗУЕТ ЕГО, развивает и всего в жизни достигает не за чужой счёт, а своим умом или, что ещё лучше, В СОДРУЖЕСТВЕ С ДРУГИМИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ.

Николай Тихонович и мне, и моим ребятам разъяснил наитруднейшее: как отличить творческое содружество исследовательских умов, когда идет интеллектуальное взаимообогащение и создается КОЛЛЕКТИВНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УМ, от распроstrаненных, и не только в детской среде, объединений, где один ум господствует, а остальные у него на побегушках. В комнате оптических обманов, куда директор ДЗН ввёл нас, дав почувствовать, что это самое дорогое его детище, сначала всё шло по, так сказать, школьному образцу: сам Николай Тихонович или кто-то из наиболее быстросмекалистых ребят находил оптическую ошибку, остальные охотно с ним соглашались, интерес к «изученному» гас и экскурсанты организованно двигались к следующей стенду. Так прошли вдоль одной стены. Кончался второй час безантрактной экскурсии. Когда поход за знаниями стал напоминать школьные уроки, я увидел нескрываемые зевки усталости и забеспокоился, не закончится ли так хорошо начатое коварным воспитательским эффектом со знаком минус. Вдруг экскурсовод резко остановился, на секунду задумался и тихо, как бы разговаривая сам с собой, спросил: «А всё ли верно? Я же совсем забыл, что можно дать другое освещение...» Он стремительно вернулся к первому экспонату, поколдовал с многочисленными выключателями, и все ахнули: старые ошибки исчезли, новые появились...

Класс будто подменили. Получив свободу действий, ребята мгновенно посвежели, повеселели, самоорганизовавшимися группами разбрелись по комнате-чудеснице, выбирая заинтересовавшее их, сами быстро сообразили, как менять освещение, с каких точек обозревать оптические головоломки. Начался коллективный поиск истины. Вспыхнули споры в

группах, потом между группами. Значительно быстрее, чем можно было ожидать от шестиклассников, догадались, что игровые иллюзионные экспонаты в такой последовательности специально и расположены, чтобы исследовательские умы рванулись самостоятельно проникнуть в тайны положительной и отрицательной иррадиации, воспламенились желанием коллективно, помогая друг другу, открыть закон физики...

Два, казалось бы, несовместимых чувства одновременно ворвались в мою душу: радости и... стыда. В ходе научного поиска я как бы изнутри увидел интеллектуальный мир воспитанников, отчетливо обозначились отличительные особенности склада ума каждого. Я стал свидетелем казавшегося совсем недавно невероятным: наблюдал, как «обтираются» друг о друга мысли моих подопечных, как безболезненно распределились исследовательские роли, как интеллектуальные лидеры не поработщали, а подтягивали к себе остальных... И даже самому себе было горько признаться, что, как ни успокаивайся пословицей «Лучше поздно, чем никогда», год-то потерял, интеллектуальным воспитанием я, выходит, почти не занимался, прекрасный всеобъемлющий девиз «Все творчески, иначе зачем?» сам же ориентировал воспринимать половинчато...

В конце трехчасовой экскурсии я уже не удивлялся тому, что те мои питомцы (таких было не меньше половины), которых на всех уроках хватало от силы на 20-25 минут, а потом они выдыхались и тускнели, были такими же бодрыми, свежими и даже более жизнерадостными, чем до начала встречи с брянским чародеем. А самые усидчивые, с лучше развитыми вниманием и волевыми качествами характера выглядели не то чтоб уставшими, но поскучевшими что ли, не такими радостно-вдохновенными. Одни раскрыли в себе силы необъятные, впервые поверили моим неоднократно повторяемым словам, что бесталанных людей, особенно детей, нет, что каждый человек неповторим. Другие, наоборот, усомнились и разочаровались в себе, интуитивно почувствовав, что кое-что из их предполагаемой силы оказалось...

слабостью. И эти отраженные на всех лицах открытые раздумья подростков о себе несказанно радовали меня. Значит, не я один получил ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УРОК у Николая Тихоновича. Значит, к той перестройке в воспитательной работе, которую мне хотелось хоть сию минуту начать, ребята уже тоже духовно подготовлены...

Самой трудной, самостоятельно мною в ДЗН не разгаданной загадкой оказалось то, что устроил Николай Тихонович в игровом зале перед концом встречи. Он зачем-то рассадил девочек и мальчиков отдельно и организовал между ними что-то вроде конкурса на лучшее решение головоломок. Иногда предлагая новую головоломку, подзадоривал: «Уверен: мальчикам этот орешек не по зубам» или «Мальчикам тут делать нечего, а вот найдутся ли девочки с мужским умом? Посмотрим, посмотрим...» И как ребенок радовался, если его предсказание точно сбывалось!

Прощаясь, не скрывая, что огорчен неизбежным расставанием, и как будто понимая, какая буря изматывающих сомнений пронеслась в моей душе, Николай Тихонович сказал: «Завидую я вам, Юрий Николаевич! Да с таким классом можно горы свернуть! Они же у вас все исследователи. Таких увлечённых не только физикой, но и самопознанием шестиклассников я ещё не встречал! Я влюбился в ваших ребят-шек».

По дороге домой, прямо в электричке, за один день на глазах повзрослевшие ученики мои сами захотели поделиться впечатлениями в дневнике, который стал постоянным спутником нашей жизни. Вот отрывки из этих впечатлений по горячим следам яркого события: «В ДЗН мне понравилось всё, но больше всего – директор Николай Тихонович Курьиндин...»; «Я никогда не видел робота, мечтал увидеть, и вот моя мечта сбылась. Только теперь я буду мечтать снова увидеть Николая Тихоновича...»; «В ДЗН увидел, что мои товарищи не такие, как про них говорят некоторые учителя. Сашу Ф. недавно обозвали «тупым, как сапог», а он оказался самым сообразительным, первый поднял с полу шарики чугуном...»; «В ДЗН с радостью узнал, что два наших Саши (К. и

Ф.) – самые смекалистые из всего класса. А я-то так плохо про них думал. Стыдно стало...»; «Очень мне понравились мои одноклассники в ДЗН, все были такие активные, культурные, веселые...»; «Что понравилось? Всё. А больше всего? Как разговаривал с нами Николай Тихонович. А как? Ласково? Уважительно? Нет, то есть да, но так многие разговаривают с нами, а он – как с товарищами, как будто и учил и учился...»

Учителя сразу, уже на следующий день, заметили, как похорошел класс, и спрашивали, в каком волшебном источнике я их выкупал – так жадно набросились они на учебу.

Спрашивать, зачем Николай Тихонович устроил соревнование между мужскими и женскими умами, я постеснялся.

...[Позже] мне стал понятен мудрый дифференцированный подход Н. Т. Курындина в течение всей экскурсии к мальчикам и девочкам. Замечательный педагог понимал сам и подсказывал мне, что в деле создания коллектива немаловажную роль играет взаимообогащение полов, что воспитатель обязан знать, в каком деле продуктивнее опереться на мальчиков и когда, наоборот, лучше справятся девочки...